

Правовое противодействие девиантному поведению

УДК 343.9.018 + 343.2/.7

DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-137-150



Научная статья



Пудовочкин Юрий Евгеньевич

Российский государственный
университет правосудия
(Москва, Россия)

11081975@list.ru

ORCID: 0000-0003-1100-9310

Yuriy E. Pudovochkin

Russian State University of Justice
(Moscow, Russia)

11081975@list.ru

ORCID: 0000-0003-1100-9310

Проблемы производства и оборота криминологической информации

Аннотация

Современная криминология и уголовное право находятся в затяжном кризисе, вызванном, среди прочего, неадекватным и неэффективным механизмом информационного обмена между этими областями социальной науки и практики. Сбой в производстве криминологической информации и ее восприятии уголовным правом выступает одновременно и симптомом, и причиной этого кризиса. Выход из него видится в анализе основных элементов, составляющих механизм оборота криминологической информации, и определении путей его совершенствования. На основе критического анализа достижений современной науки в статье обосновываются основные направления перспективного развития криминологической науки в интересах производства современной и востребованной уголовным правом информации; решаются науковедческие вопросы организации производства и оборота научной информации о преступности и о результатах действия уголовного права; предлагаются механизмы учета и использования криминологической информации в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Авторы приходят к выводу о том, что интеграция криминологического и уголовно-правового знания, для того, чтобы превратиться из красивого лозунга в реальность, должна быть обеспечена научно обоснованным механизмом, позволяющим перевести идею в практическое, инструментальное русло. Теоретическое моделирование и интерпретация такого механизма – сложный процесс, который предполагает, с одной стороны, уточнение параметров межотраслевых связей различных наук о преступности, а с другой стороны, – обеспечение прикладного правотворческого и правоприменительного единства криминологической и уголовно-правовой информации.

Ключевые слова

кризис криминологии, взаимосвязь криминологии и уголовного права, криминологическая информация, оборот информации

Для цитирования: Пудовочкин, Ю. Е., Бабаев, М. М. (2021) Проблемы производства и оборота криминологической информации. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 137-150. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-137-150.

Legal counteraction to deviant behavior

Scientific article



Бабаев Михаил Матвеевич

Российский государственный
университет правосудия
(Москва, Россия)

babaevmm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1656-2529

Mikhail M. Babayev

Russian State University of Justice
(Moscow, Russia)

babaevmm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1656-2529

Problems of Production and Circulation of Criminological Information

Abstract

Modern criminology and criminal law are in the prolonged crisis provoked by inadequate and ineffective mechanism of informational circulation between these two spheres of social science and practice. The failure in the production of criminological information and its perception by criminal law serves as a symptom and as a cause of this crisis simultaneously. The way out of the crisis is seen as the analysis of the main components of the criminological information circulation mechanism and finding the way of its perfection. On the basis of critical analysis of the achievements of modern science the article investigates the main directions of perspective development of criminological science in order to produce modern and claimed by criminal law information. The research discusses the scientific problems of the production and circulation of scientific criminal information and the results of criminal law activities; proposes the mechanisms of calculation and use of criminological information in law making and law enforcing activities.

Keywords

criminological crisis, ties between criminology and criminal law, criminological information, information circulation

For citation: Pudovochkin Y. E., Babayev M. M. (2021) Problems of production and turnover of criminological information. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 1(1), 137-150. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-137-150.

Введение

Российская криминология уже достаточно давно находится в состоянии глубокого, непростительно затяжного кризиса, какой ей, пожалуй, еще не приходилось переживать за весь советский и постсоветский период, если, конечно, не считать времени, когда она была просто запрещена.

Кризисная ситуация – факт, неоспоримый в криминологическом сообществе, и не только в нем. Очень легко объяснить его, сославшись на обстоятельства, лежащие вне пространства самой науки. Например, ситуация

часто аргументируется плохо оправданным снижением интереса к ней и даже к достойным внимания результатам криминологических исследований (не говоря уже о теоретических трудах) со стороны центров власти: законодателя, руководства правоохранительных органов. К ним можно добавить субъектов низового звена: практических работников суда, прокуратуры, полиции (ранее – милиции). Проще говоря, в решающем большинстве специалисты-практики не читают и откровенно не считают нужным и, более того, просто не испытывают потребности читать криминологическую литературу.

Тезис этот сам по себе справедлив, так оно и есть. Но аргумент лежит слишком на поверхности для того, чтобы обосновать драматическое положение дел в серьезной науке.

В действительности преобладающая часть причин кризиса коренится внутри самой науки. *Криминология застыла в своем движении, чтобы не сказать: на данном этапе исчерпала самое себя.* Предшествующее ее развитие – это долгий путь исследований того, что составляет непосредственно суть ее предмета: преступность, причины преступности, личность преступника, предупреждение преступности. Накоплен внушительный объем знаний, опыта исследования сложных методологических и иных теоретических проблем, эмпирики. Но уже в последние годы началось движение по кругу. А круг, как известно, плохо приспособлен для движения вперед и вверх. В итоге все остается в рамках традиционного, привычного, чаще всего без серьезных попыток постановки инновационных исследований современных криминологических процессов, разработки новых методик и т. п.

Впрочем, исследования, выходящие за эти рамки, проводились. Криминологи под своим углом зрения обращались и обращаются к информации о явлениях и процессах, относящихся к предмету других отраслей науки: экономики, демографии, социологии, культурологии, психологии и т. д. Однако обращения эти в большинстве случаев были и остаются эпизодическими, совместных исследований с учеными-смежниками или с привлечением экспертов почти никогда не было. В итоге криминологические задачи решались силами самих криминологов с использованием главным образом собственного ресурса (материала криминологии). У когда-то молодой, в послевоенном ее воплощении, науки этот ресурс и собственное пространство для инновационных идей, казалось, были бесконечными. Однако без необходимой подпитки энергия научного процесса (что и следовало ожидать), рано или поздно должна была иссякнуть.

Основная часть

1. Проблемы развития криминологической науки

Постановка вопроса о кризисе криминологии как о существенном ограничителе процессов ее взаимодействия с уголовным правом побуждает несколько подробнее остановиться на том, что представляет и что должен представлять собой предмет криминологии, т. к. именно от этого зависит, что может и чего не может криминология дать уголовному праву.

В современной доктрине едва ли не абсолютно преобладает мнение, что предмет криминологии охватывает четыре блока феноменов: а) преступность; б) причины и условия, порождающие преступность; в) личность преступника; г) предупреждение преступности.

Конечно, в литературе существуют и более широкие трактовки предмета криминологии. Например, есть сторонники полномасштабного включения в него «смежных» с преступностью социальных явлений и процессов с целью обнаружения в них, с одной стороны, факторов преступного поведения и объектов профилактики, а с другой, – «кандидатов» на криминализацию.

Ограничимся этими замечаниями, чтобы перейти к гораздо более серьезной теме. Существенное обновление политических, экономических, социальных условий жизни страны, возникновение множества проблем, мимо которых не может пройти ответственная наука, накопление новых теоретических и прикладных знаний, изменение представлений о преступном и не-преступном, о причинном комплексе преступности и роли в нем личности преступника, о путях предупреждения преступного поведения – все это со всей остротой поставило перед криминологией вопрос о том, каким будет ее ответ новым вызовам, как она представляет свой переход от «сегодня» к «завтра», т. е. к следующему этапу своего развития?

Это, прежде всего, вопрос о ее предмете и пределах взаимодействия с другими науками и практиками. Взгляды криминологии на этот счет не могут оставаться неизменными. Однако в настоящее время еще нельзя говорить о том, что в российской криминологии начала складываться или, тем более, сложилась новая концепция развития. Между тем признанная в далекие времена и, словно в законсервированном виде, дошедшая до наших дней трактовка предмета, на наш взгляд, тормозит прогресс криминологической науки. Это понимают многие представители криминологического сообщества. «Какая криминология нужна стране? – восклицает П. Н. Панченко, – Конечно же, новая! И не просто новая, а принципиально новая. Это должна быть современная наука о преступности и мерах борьбы с ней, а именно наука честная, смелая и сильная» (Панченко, 2018, 382).

Представляется, что формирование новой ее парадигмы должно начаться с расширения пределов, границ, отделяющих криминологию от пространства, «контролируемого» не только смежными (социология, демография, экономика, психология и т. д.), но и другими науками, от известных «фоновых» явлений (Г. М. Миньковский) и др. Этот вопрос, важный сам по себе, приобретает актуальность в контексте темы настоящего исследования, т. к. соотносится с задачей увеличения объема и качества криминологической информации, необходимой для уголовного права.

Для того чтобы этот шаг был сделан, нашим криминологам, видимо, нужно преодолеть несколько значимых психологических барьеров.

Первый состоит в пересмотре и модернизации отношений криминологии и уголовного права. Приведем на этот счет несколько суждений, используя в качестве

отправной точки содержательную статью М. Вальтера (Walter, 2011). Долгое время криминология использовалась в качестве «вспомогательной науки», к достижениям которой юристы, специализирующиеся в области уголовного права, обращались исключительно по своему разумению, самостоятельно определяя, какие криминологические обстоятельства (например, о личности или причинах преступления) являются существенными для разрешения уголовного дела. Но эти дни господства уголовного права канули в Лету. В современных условиях уголовное право должно мыслиться не столько как клиент, получающий от криминологии затребованную по первому звонку информацию, сколько как объект криминологического исследования. Необходимо не только социологическое и криминологическое осмысление функционирования уголовно-правовых норм и институтов, но и восприятие самого уголовного закона и его предписаний в качестве существенного элемента социальной среды, который определяет параметры ее функционирования, в том числе с точки зрения конструирования стандартов поведения, утверждения справедливости и многого иного, что влияет на протекание криминогенных и антикриминогенных процессов.

Суть второго барьера, который необходимо преодолеть, условно можно обозначить как позитивистская ограниченность криминологии. Позитивизм в праве, возникший как определенная реакция на неинструментальный характер идей школы естественного и исторического права, на определенном этапе общественного развития сыграл прогрессивную роль, способствуя обращению специалистов к исследованию не «внутреннего духа», а реального проявления права, анализу конкретных текстов уголовных законов, их норм, словесных конструкций и т. д. Отражением внедрения позитивистской методологии в общественные науки можно считать и само возникновение криминологии, призванной изучить реальные проявления уголовного закона в социальной жизни. Однако, если уголовное право по меньшей мере с середины прошлого столетия уверенно преодолевает ограничительные рамки позитивистской методологии, обращаясь к исследованию аксиологических, социологических и иных аспектов права, то криминология остается «привязанной» к позитивистскому

уголовному праву в том смысле, что последовательно ограничивает круг своего предмета анализом лишь тех общественно опасных деяний, которые уголовным законом признаны преступлениями (в данном случае не спасает обращение криминологов к познанию фоновых явлений преступности, поскольку и они подлежат анализу лишь в связи с процессом влияния этих явлений на преступность, ограниченную рамками уголовного закона). Понимаемый таким образом «криминологический позитивизм» требует преодоления.

Наука криминологии не может и не должна заниматься только преступлениями, описанными в действующем уголовном законодательстве. Даже если она и фокусируется на феномене уголовного права, то она

никаким образом им не скована и не нуждается в каких-либо легально установленных нормах уголовного права для изучения таких форм поведения, которые не принимаются в обществе и могут влечь неблагоприятные последствия. Скорее, криминология концентрирует свои усилия на определении самих норм социально приемлемого и неприемлемого поведения, как бы восполняя имеющийся дефицит в практической деятельности. В ее возможностях изучить условия, обнаруживающие «новые преступления», а равно условия, влияющие на криминализацию или декриминализацию чего-либо (Walter, 2011).

”

Современная криминология и уголовное право находятся в затяжном кризисе, вызванном, среди прочего, неадекватным и неэффективным механизмом информационного обмена между этими областями социальной науки и практики. Сбой в производстве криминологической информации и ее восприятии уголовным правом выступает одновременно и симптомом, и причиной этого кризиса.

“

Апробировав свой методический инструментарий на анализе криминализированных деяний, криминологическая наука приобрела опыт и возможности, позволяющие использовать их за пределами исследования деяний, уже признанных уголовным законом преступными. Более того, можно ответственно утверждать: сегодня криминологический анализ общественных явлений с целью обнаружения тех из них или таких из них, которые требуют уголовно-правового воздействия, есть наиболее важная, приоритетная задача криминологической науки. Решение этой задачи неизбежно связано с определенной коррекцией границ предмета криминологии и выводом ее из-под безоговорочно ограничивающей опеки уголовного закона. В этом отношении может представлять интерес достаточно оригинальное предложение специалистов считать, что криминализация и декриминализация общественно опасных деяний тоже должны быть введены в пространство предмета

криминологической науки (Прокументов, Л. М., Шеллер, А. В., 2017, 14–15).

Третий барьер, требующий преодоления, состоит в утверждении за криминологией статуса междисциплинарной науки и углубления ее взаимодействия другими науками с целью интериоризации знаний, накопленных ими: «Помимо уважительного смирения перед лицом уже существующих наук, криминологи должны стремиться сохранить относительно открытые границы дисциплины, используя ресурсы, уже освоенные и развитые там, где это уместно, но впитывая и развивая новые перспективы и знания через взаимодействие с другими науками» (Aitchison, 2014).

Специалисты не без оснований отмечают, что подчеркнута социологический вектор развития криминологического знания одновременно и не сопровождается прорывными успехами в деле предупреждения преступности, и объективно подошел к своему пределу, особенно учитывая постмодернистские представления о социальной норме и патологии. «В криминологических исследованиях социология “заменила” биологию и психологию еще в 1920-е годы, но провал модели реабилитации свидетельствует о серьезных проблемах, стоящих перед социологической криминологией. Сегодня криминология не находится на той стадии развития, чтобы заменить наказание предупреждением. Для того чтобы заменить наказание и реабилитацию профилактикой, криминология должна стать междисциплинарной наукой, основанной на биологии, нейропсихиатрии, психологии, социологии и городском планировании, во взаимодействии с юридической профессией. Страх, который испытывают социологи-криминологи перед биологией, должен быть преодолен, а психологические и биологические особенности преступника должны быть основой для предупреждения преступности на индивидуальном уровне» (Jeffery, 2013).

Такое «снятие барьеров» в определении предмета и методологических границ криминологии, вне сомнений, открывает новые перспективы и новые возможности в продуцировании криминологической информации. Нельзя сказать, что эти барьеры не замечаются криминологами или не осмыслены ими. Можно назвать ряд содержательных работ отечественных авторов, в которых реализуется попытка выйти за привычные, устоявшиеся рамки криминологического дискурса (Овчинский, 2005), (Ольков, 2008), (Антонян, 2009), (Гишинский, 2017), (Овчинский, Криминология цифрового мира, 2018). Однако эти работы по-прежнему носят единичный, постановочный характер и не получают развития в иных исследованиях, в том числе подчеркнута прикладного свойства. В целом новый криминологический дискурс в науке не сложился. Можно смело утверждать, что обновление криминологии на основе обновления ее предмета лишь осознано

в качестве актуальной задачи, но сама эта задача не только не решена, но и не намечены пути ее решения.

2. Предмет информационного оборота между криминологией и уголовным правом

В рассуждениях о взаимодействии криминологии и уголовного права, об обмене информацией между этими сферами социальной практики, следовательно, и о криминологическом обосновании уголовного закона следует учитывать несколько значимых обстоятельств.

Во-первых, объем информации, которую производит криминология, и объем информации, необходимый для обоснования процессов принятия и реализации уголовного закона, далеко не совпадают. Определенная часть информационного продукта криминологов для уголовного права и уголовного закона объективно является инрелевантной. К примеру, известные суждения о социальном характере преступности, о порождающих ее социальных противоречиях, о территориальном распределении массива преступлений по стране, о невысоком уровне образования большей части преступников и т. п., по большому счету, не имеют значения для уголовного права, хотя и сохраняют ценность для познания самой преступности и организации дела ее профилактики. С другой стороны, криминологическая информация – это не единственное знание, которое лежит в основе уголовного закона. Он базируется, как известно, на более широком информационном фундаменте, включающем сведения из области политической, экономической, международной жизни, данные философии, психологии, собственно уголовно-правовые доктринальные положения и т. д. Криминологическая информация – лишь часть информационного основания уголовного права. В связи с этим информационный оборот между криминологией и уголовным правом должен мыслиться в известном отношении как обмен ограниченным объемом информации.

Во-вторых, значимая для уголовного права криминологическая информация, которая производится криминологами и в действительности необходима для обеспечения качества уголовного закона и уголовно-правового регулирования, далеко не всегда совпадает в содержательном отношении. Различающиеся внутренние приоритеты, интересы, методологические возможности отраслевых наук в ряде случаев приводят к тому, что «криминологический спрос» уголовного права и «уголовно-правовое предложение» криминологии не совпадают. Один, но весьма показательный пример такого несовпадения – отсутствие на настоящий момент в России надлежащей криминологической информации для построения моделей риск-ориентированного правосудия (Бабаев, М. М., Пудовочкин, Ю. Е., 2021). Еще одним примером может служить крайне слабо разработанная тема криминологических

особенностей, преступлений, совершаемых в цифровом пространстве. Причем эти пробелы наблюдаются на фоне, к примеру, откровенного переизбытка (правда, тоже не всегда актуальной) информации об организованной преступности или преступности несовершеннолетних. Дисбаланс «спроса» и «предложения» лишь подчеркивает, что информационный обмен между криминологией и уголовным правом может существовать лишь как обмен не просто ограниченной по объему, но содержательно ценной, востребованной, актуальной информацией. Переадресуя криминологам слова известного сатирика, скажем: мало знать себе цену, надо еще и пользоваться спросом.

В-третьих, даже в тех ограниченных по объему и содержанию ситуациях, когда информационный обмен между криминологией и уголовным правом возможен и необходим, он не должен развиваться ни по линии «слепого», некритичного восприятия, ни по линии тотального игнорирования. Между тем история отечественного права дает нам примеры того и другого механизма воздействия криминологии на уголовное право. В качестве примера приведем небезызвестный проект УК РСФСР 1930 года (Проект Уголовного Кодекса РСФСР, 1930). Основанный всецело на идеях социологической школы уголовного права, он был по сути прямой рецепцией криминологических новаций своего времени, прежде всего, о «криминологическом понятии» преступления, лишенного формального признака уголовной противоправности, и о реальной и потенциальной общественной опасности лица как основании применения к нему мер профилактического и карательного воздействия. Проект разрывал с формальной догмой и превращал закон в примерную инструкцию по применению целесообразных профилактических мер в ситуациях наличного вреда или грозящей опасности. Судьба проекта, равно как и судьба его идейного вдохновителя Н. В. Крыленко, хорошо известна. Но нам важно подчеркнуть в рассматриваемом случае иное – вне идеологического налета проект являл собой подчеркнута криминологический документ, в котором криминологическая информация была возведена в ранг нормативного акта напрямую, без согласования с собственно правовыми основаниями уголовного закона. В современной истории проявление подобного рода прямой рецепции криминологической информации можно наблюдать, на наш взгляд, в содержании ст. 2101 УК РФ, устанавливающей наказание до 15 (!) лет лишения свободы за один факт занятия высшего положения в преступной иерархии. Не только сама идея усиления ответственности «воров в законе», но и каждое слово в диспозиции этой статьи («занятие», «высшего», «положения», «преступной», «иерархии») наполнены исключительно криминологическим содержанием и лишены содержания собственно правового.

Таким образом, еще раз подчеркнем: информационный оборот между криминологией и уголовным правом имеет свои строго определенные (не значит, что неподвижные) границы, которые заданы целевой направленностью этих областей науки и социальной практики.

Механизм криминологического обеспечения уголовно-правового нормотворчества и правоприменения предполагает, что уголовное право в той или иной степени опирается или учитывает криминологическую информацию, причем, разумеется, не в виде исходных данных криминологических исследований, а в виде определенных идей, концепций, теорий, рекомендаций.

Однако в этом взаимодействии есть одно немаловажное обстоятельство, которое требует отдельного упоминания. Речь идет о том, что оно строилось и строится, как представляется, в отсутствие отлаженного системного механизма. По большому счету, криминология самостоятельно продуцирует те или иные теории и рекомендации, в то время как законодатель так же самостоятельно и по своему усмотрению выбирает те из них, что, по его мнению, достойны внимания и отражения в законе. Но важно обратить внимание, что даже в отсутствие системных начал и организационных рамок взаимодействие осуществляется. Следовательно, в нем есть интерес со стороны, прежде всего, законодателя как единственного творца уголовного закона. И как только и если такой интерес появляется и реально осознается, теоретическая идея взаимодействия криминологии и уголовного права обретает практическое воплощение.

Сказанное подводит, пожалуй, к основной проблеме взаимодействия уголовного права и криминологии: определению его предмета. Перспективным в данном случае должно стать исследование предмета информационного оборота между криминологией и уголовным правом с позиций учения о спросе и предложении. Азбучная истина экономики гласит: «Спрос рождает предложение». А потому вопрос о криминологическом обосновании уголовного закона, когда и если сама необходимость такого обоснования выступает в качестве неоспоримого факта, закономерно распадается на две составляющие: что может (должна) дать криминология уголовному праву и что может (должно) использовать уголовное право из представленной ему криминологической информации. В этом суть проблемы взаимодействия этих двух отраслей науки и социальной практики.

Представим лишь некоторые значимые области предметного взаимодействия криминологии и уголовного права, которые отражают их взаимный интерес, признаны в современной науке и не нуждаются в дополнительном специальном обосновании.

– В сфере криминализации теория уголовного права плохо служит нам, когда она занята чистыми платоническими формами «права» и «неправа», которые имеют

мало отношения к фактическим современным конвенциональным способам определения сферы преступного. Эмпирические исследования в социально-правовом или криминологическом плане становятся все более важными и необходимыми для обоснования криминализации. Оценка криминализации как обоснованной не может быть дана априори, она зависит от детального анализа конкретных исторических, политических, правовых и культурных условий законотворчества и толкования, проявляющихся в существенно различных политиях. В рамках нормативного (или юридического) подхода при обосновании криминализации теории права склонны смотреть главным образом на внутреннюю рациональность, логику, согласованность и справедливость желаемых нормативных принципов. Социологический или криминологический подход имеет тенденцию отражать политические, правовые и культурные условия существования конкретных случаев криминализации. Эти два широких подхода не являются полностью несовместимыми (Brown, 2013).

– Криминология способна внести свой вклад в оценку уголовно-правовой концепции вины и определение предпосылок использования криминологических знаний в ее конструировании и установлении (Scheffler, 1985).

– Неоценима роль криминологии в исследовании исправительных и предупредительных возможностей уголовного наказания, в адаптации системы наказаний к потребностям самого преступника и возможностям общества. Общепринятое мнение в уголовном праве о том, что наказание – это философский вопрос справедливости, а не эмпирический вопрос эффективности, должно быть сегодня подвергнуто критической оценке и пересмотру. Криминология вполне разработала оценочный аппарат, посредством которого возможно оценить степень эффективности санкций, достижение ими конкретных целей (Walter, 2011).

– Специальную область взаимодействия составляет связь между криминологическими теориями и политикой исправительных учреждений. От того, как мы отвечаем на вопрос, почему преступник совершил то или иное преступление, будет зависеть не только наша общая ориентация на определенные категории преступлений (например, наркопреступления, насиль-

ственные преступления) и группы правонарушителей (например, сексуальные преступники, члены банд, пьяные водители), но и типы функций, которые мы будем ожидать от исправительных учреждений, а также требования к компетенции сотрудников таких учреждений (между тем, у нас до сих пор нет четкого представления о типах навыков, необходимых для того, чтобы стать эффективным сотрудником службы пробации или условно-досрочного освобождения, в конце концов должны ли эти сотрудники быть юристами или предпочтительней, чтобы они были социальными и медицинскими работниками) (Byrne, James, Hummer, Don, 2016).

– В сфере противодействия транснациональным преступлениям есть необходимость понять и определить, как понятие транснациональной преступности, использованное в документах ООН, может модернизировать систему уголовного права, как оно может способствовать формированию особого раздела (подотрасли) уголовного права – транснационального уголовного права, и какими механизмами и институтами этот раздел права должен обладать (Boister, 2003).

– В сфере противодействия терроризму криминологи могут показать, как современные неолиберальные государства стремятся управлять обществом через

использование страха перед терроризмом на основе двух теоретических посылок: неопределенности угроз в обществе риска (Бекк) и применении дискурса риска для конструирования «террористического другого», способствуя интенсификации стратегий управления и подавления (Фуко) (Mythen, Gabe, Walklate, Sandra, 2006).

– В сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности требуется специальное криминологическое познание этих преступлений, поскольку невозможно просто «пересадить» существующие криминологические теории для объяснения девиантного поведения в международной сфере. Социальный, антропологический и психологический контекст международных преступлений требует новых методологических подходов и новых теорий, которые связывают индивидуума с массовым стихийным явлениям. Здесь надо решить минимум два важных вопроса, а именно: 1) являются ли существующие теории о связях меж-

”

В современных условиях уголовное право должно мыслиться не столько как клиент, получающий от криминологии требуемую по первому звонку информацию, сколько как объект криминологического исследования. Необходимо не только социологическое и криминологическое осмысление функционирования уголовно-правовых норм и институтов, но и восприятие самого уголовного закона и его предписаний в качестве существенного элемента социальной среды, который определяет параметры ее функционирования.

“

ду обществом и девиантностью все еще актуальными для объяснения международных преступлений, учитывая, что в большинстве случаев основные международные преступления происходят в результате политических решений нескольких отдельных лиц; 2) в какой степени нам нужна новая (или, возможно, адаптированная) криминология в области борьбы с преступлениями в условиях беспредела (как в случае вооруженного конфликта), полу-беспредела (таких, как пиратство и терроризм в государствах-банкротах) и непосредственностью масс (как в случае геноцида, если таковая непосредственность вообще существует) (Bantekas, 2014).

3. Механизм оборота научной информации между криминологией и уголовным правом

Учитывая разноплановый характер информации, которая вращается в сфере взаимодействия уголовного права и криминологии, а также принимая во внимание отмеченную выше специфику субъектного состава такого взаимодействия, есть все основания утверждать, что механизм оборота криминологической информации, ее производство и восприятие, имеет свою специфику и свои особенности в зависимости от того, о каком уровне структурного взаимодействия криминологии и уголовного права идет речь. Здесь можно выделить, как представляется, два различающихся аспекта: оборот информации на уровне идей и оборот информации на уровне принятия и реализации правовых решений.

Механизм оборота криминологической информации в научной сфере

В интеллектуальном пространстве современной России преступность и противодействие ей как некий обобщенный предмет исследования выступает центром притяжения различных, как принято считать, относительно самостоятельных наук – уголовного права, криминологии, уголовной социологии, уголовной политологии. Каждая из них под своим углом исследует феномены преступления и наказания, производя значительный объем информации, межотраслевой оборот которой выступает одной из значимых (если не самой значимой) составляющей межнаучного осмысления проблем противодействия преступности и обеспечения безопасности.

Общая схема такого оборота представляется следующим образом.

Анализ общественных отношений, основанный на применении социологических методик, с целью выявления криминогенных девиаций в том или ином экономическом, социальном, политическом, а также в любом другом процессе представляет собой по сути криминологическую акцию и должен рассматриваться как одна из важнейших задач криминологической науки, несомненно входящая в ее предмет. Именно криминология, решая эту задачу и одновременно выполняя свою информационную функцию, способна вместе с тем получать и предоставлять уголовному праву важнейшие сведения о тех общественно опасных видах человеческого поведения, которые (уже в законных рамках предмета уголовного права) заслуживают обсуждения и решения вопроса о публично-правовой реакции на них.

Однако такая информация должна поступать в «уголовно-правовой банк» не напрямую, а посредством уголовно-политических «транзакций». Уголовная политика должна выступать своего рода процессинговым центром, оценивающим криминологический запрос на предмет соответствия его уголовно-политическим принципам и передающим его структурам уголовного права и законодателя.

Сказанное не только не отрицает, но, напротив, предполагает необходимость социологического анализа явлений, уже получивших уголовно-правовую оценку. Анализ этот образует содержательную область социологии уголовного права – раздела уголовно-правовой науки, который исследует реальную социальную жизнь уголовно-правовых норм и институтов, механизм их действия, результаты и эффективность¹. Получаемая при этом информация также должна быть подвергнута уголовно-политической оценке (и криминологическому осмыслению) и «возвращена» в науку уголовного права для подтверждения правильности или корректировки существующих правовых конструкций.

Таким образом, социология уголовного права как часть науки уголовного права и криминология как отдельная юридическая наука как бы идут навстречу друг другу: от общественных отношений – к закону и от закона – к общественным отношениям. Крими-

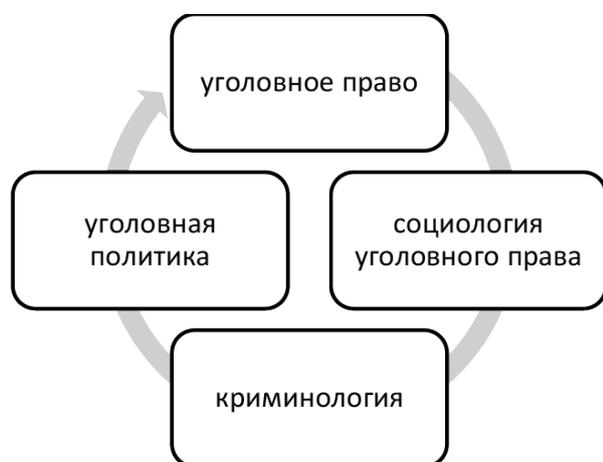
¹ Полагаем важным отметить мнение Н. Ф. Кузнецовой, которая писала: «Не существует самостоятельного предмета, а тем более особой отрасли “социология уголовного права”. Социологические уголовно-правовые проблемы (которые лишь для краткости и условно можно именовать социологией уголовного права) есть та область научно-практических изысканий в уголовном праве, которая разрабатывается путем конкретно социологических методов с целью: раскрыть социальные истоки, содержание и последствия действия уголовного права в его взаимосвязи с регулируемыми им и смежными общественными явлениями» (Кузнецова, 1970, стр. 120). Эта позиция, вне сомнений, заслуживает внимания, поскольку постулирует невозможность вычленения в уголовном праве особого предметного раздела – социология уголовного права, но акцентирует внимание на необходимости применения социологического метода для исследования всех компонентов предмета уголовного права.

нология информационно предварительно определяет, что может быть признано преступным из существующего в реальности, а социология уголовного права устанавливает, как выглядит в реальной жизни то, что официально признано преступным.

Подчеркнем, наша общая беда в том, что надежно обосновав предмет и границы криминологии и уголовного права, специалисты фактически выстроили «железный занавес» между сопряженными отраслями знания. Однако мы гораздо ближе и гораздо нужнее друг другу, чем большинство из нас думает. Эта близость не предполагает устранения границ с целью формирования «супернауки»; это невозможно, не необходимо и нежелательно. Но что требуется непременно, так это «уголовно-правовой и криминологический шенген», свободная зона обращения научного знания, не ведающая внутри себя границ и препятствий процессам взаимодействия.

Такой «шенген» надо начинать выстраивать, как представляется, с развития буферных зон, которые в отечественной науке оказались совершенно неразвитыми. Речь идет прежде всего об упомянутых социологии уголовного права и уголовной политике.

Рисунок 1. Механизм оборота криминологической информации



В качестве одного из возможных вариантов внешнего представления связей между этими областями науки можно предложить следующую логику (см. рис. 1).

Рисунок наглядно показывает, что между уголовным правом и криминологией есть некая «пограничная» область, в которой не просто пересекаются, но самым тесным образом переплетаются, смыкаются проблемы каждой из этих наук. Социология уголовного права и уголовная политология позволяют до известных пределов размыть границы уголовного права и криминологии, обеспечить «безвизовое», свободное взаимопроникновение идей и конструкций, предоставляют для этого необходимый методический и терминологический (языковой) инстру-

ментарий, свободный от жесткого диктата тезауруса уголовно-правовой догматики и криминологической теории.

Социология уголовного права и уголовная политика, если переходить на язык синергетики, являют собой «зону неопределенности», «турбулентности», в которой нестабильное взаимодействие частиц уголовного права и криминологии может породить новый оригинальный «аттрактор», новую идею, плавное и планомерное развитие и воплощение которой будет проходить уже в рамках отраслевых наук по установленным уголовно-правовым и криминологическим законам.

Это, если хотите, находящийся под особым управлением банк, в который «сбрасывают» все проблемные активы криминологии и уголовного права с тем, чтобы обеспечить нормальное функционирование этих наук. Он притягивает к себе, позволяет вынести за рамки криминологической и уголовно-правовой науки «нестабильные» вопросы, острее проблемы, которые способны раскачать, а может и разрушить эти традиционные отрасли знания и таким образом гарантирует их безопасность.

Тем самым эта «буферная зона» гарантирует незыблемость и неприкосновенность, защиту от постороннего непрофессионального вмешательства главных, системообразующих идей и уголовного права, и криминологии (и иных наук антикриминального цикла). В первом случае – идеи квалификации преступлений и назначения наказания, во втором – идеи предупреждения преступлений.

При этом, на наш взгляд, есть три критерия, по которым можно оценивать процесс взаимодействия криминологии и уголовного права: *непрерывность* процесса, *качество* криминологической информации, ее *адекватность* потребностям и запросам уголовного права.

Если два последних момента, видимо, не нуждаются в комментариях, то о первом все же скажем нескольких слов. Поток криминологической информации (с учетом разных ее видов и разных потребителей) не должен прерываться, в нем статика должна отсутствовать в принципе. Таково неперемное условие, проистекающее из особенностей функционирования всех блоков данного процесса: перманентны многоэтапная законотворческая работа, правоприменительная, и, прежде всего, судебная практика. Непрерывно идут профессиональная подготовка юристов, которым предстоит трудиться в сфере применения уголовного права. То же самое относится и к повышению квалификации кадров, занятых в этой сфере. Неостановимо развитие науки уголовного права. Соответственно, таковой должна быть и криминологическая поддержка каждого из перечисленных направлений работы. Здесь всякий сбой, временный разрыв связей, любая, даже краткая, остановка механизма передачи криминологи-

ческой информации будут неизбежно и существенно сказываться на качестве / эффективности функционирования уголовно-правового комплекса.

Механизм оборота криминологической информации в сфере правотворчества и правореализации

Правотворчество и правоприменение – те области социальной практики, в которых любое передовое научное знание, в том числе и криминологическое, с одной стороны, и может и должно внедряться, с другой стороны, требует осторожного обращения и предварительного подтверждения эффективности и безопасности. Здесь возникают вопросы, аналогичные тем, с которыми сталкивается медицина при внедрении новых лекарств или экология при внедрении технологических новаций. Эти вопросы вполне осознаются самими криминологами: «Является ли криминология достаточно зрелой наукой, особенно по сравнению с биохимией, чтобы вообще руководить государственной политикой? Сколько криминологических исследований достаточно, чтобы поддержать или опровергнуть ту или иную политическую рекомендацию? Следует ли принимать уголовно-политические решения до того, как будут опубликованы результаты криминологических исследований? Должны ли криминологи сообщать только о среднем воздействии уголовно-правовой политики, или же они должны также изучать любые систематические различия в воздействии наказания на различные типы людей? Достаточно ли первоначальных результатов криминологических исследований для внедрения научных рекомендаций в жизнь или же необходимо получение выводов контрольных криминологических исследований?» (Бабаев, М., Пудовочкин, Ю., 2012). Иными словами, насколько подлинно научными являются выводы криминологических исследований, учитывая относительный и оценочный характер любого общественного знания, и насколько эти исследования обязательны для дела организации и реализации уголовной политики, какова роль криминолога в принятии и реализации уголовно-политического и уголовно-правового решения. На эти вопросы необходимо иметь ответы, принимая во внимание, что криминолог все чаще оказывается не только производителем и потребителем криминологических знаний, но и поставщиком этих знаний за пределы академического пространства – политикам, практикам и широкой общественности, которые теперь позиционируются как основные потребители криминологического знания.

Каковы в этих условиях наиболее эффективные способы и каналы взаимодействия криминологов и политиков. Западные специалисты по-разному оценивают роль криминологов в их взаимодействии с политиками. Обзор сформировавшихся по этому поводу позиций приводит Лесли МакКара (McAra, 2017).

Так, Саймон Уинлоу и Стив Холл (2013) утверждают, что современная криминологическая теория обре-

чена на провал до тех пор, пока ученые не признают, что «построение более справедливого и равноправного мира» требует дестабилизации капиталистических режимов производства и что какая-то форма трансформирующего события необходима, чтобы выявить «абсурдность нынешнего порядка». Соответственно, роль криминолога должна, по их мнению, быть разрушительной, а не улучшающей, конфронтационной, а не совместной. От себя добавим: криминолог в таком случае должен выступать в роли обличителя власти, указывая на ее промахи, ошибки, выявляя и способствуя минимизации любых властных решений, которые так или иначе могут приводить к нагнетанию, активизации криминогенных факторов и произвольному конструированию области преступного.

Сама Лесли МакКара, напротив, склонна полагать, что взаимодействие криминологов с политикой должно быть основано на линейном и иерархическом потоке между политическим командованием, институциональной реализацией и положительными результатами. Роль криминолога заключается, по ее мнению, в том, чтобы сотрудничать, а не вступать в конфронтацию, быть хранилищем объективных и воспроизводимых знаний, которые должны использоваться правительством для проведения эффективной и действенной политики.

Ян Лоудер и Ричард Спаркс (2010) предлагают более тонкую повестку взаимодействия криминологии и власти. Они разработали пятикратную таксономию идеальных типов криминологов: научный эксперт, политический советник, игрок-наблюдатель, теоретик / активист общественного движения и одинокий пророк. Исследователи приходят к выводу, что криминология как дисциплина должна воспринимать себя в качестве «разнорабочего» (сплав некоторых основных элементов идеальных типов исследователей на основе принятия методологического плюрализма), который производит «надежное знание», а ученым необходимо смиренно признать ограниченность своего влияния. В развитие этой мысли Н. Кристи (2011) предостерегает от тирании эксперта, который оторван от «жизненного опыта других». Криминолог, пишет Лоуренс, не может контролировать способы, которыми участники политического процесса используют (или искажают) результаты криминологических исследований. Он не может гарантировать, что его рекомендации будут услышаны или что его выводам поверят. Он не может говорить с оценочными суждениями о «справедливости». Он не может гарантировать, что его выводы будут резонировать с преобладающим этосом эпохи. Криминолог может предоставить фактическую информацию об уголовном праве и последствиях его применения. Это все, что он может сделать (Sherman, 1992).

Признавая безусловную ценность этих подходов для определения «чистой роли» криминологов и кри-

минологии, думается все же, что в реальной жизни эти идеальные конструкции должны быть не противопоставлены, а интегрированы. Ведь очевидно, что конфронтационная роль криминологии хотя соблазнительна и важна, но, по большому счету, социально безответственна. Криминология не может быть исключительно обличителем власти, снимая с себя всю ответственность за разработку позитивных шагов в деле предупреждения преступлений и оптимизации уголовного правосудия. В равной степени ей должна претить и исключительная роль некритичного научного сопровождения принимаемых властью решений. Она имеет прогнозируемые негативные последствия, о которых пишет сама Лесли МакКара, отмечая, что опасность таких механизмов кроется в самоподкрепляющем характере модели взаимодействия криминологов и политиков по типу «заказчик-подрядчик», при которой правило ввода в эксплуатацию результатов исследований работает лишь в интересах ученых, которые придерживаются доминирующей концептуальной и политической платформы, а результаты заказанных исследований служат укреплению целей существующих институтов.

Акцентированное внимание на той или иной роли (конфронтация или подчинение) угрожает и самой криминологии. МакКара это вполне отчетливо показывает. Как только и если академическая криминология становится дистанцированной от политических дискуссий и дебатов, правительственные министры приобретают устойчивость и иммунитет к исследованиям, которые бросают вызов их популистским предубеждениям и политическим настроениям. Они будут полагаться на советы и наставления не «больших ученых», а «маленького человека» – специальных советников, чья независимость от повестки дня центрального правительства и способность оспаривать основные политические принципы не являются прозрачными. В то же время ученые, стремящиеся оказать влияние на политику, тесно сотрудничающие с политиками, государственными служащими и руководителями учреждений, входящих в систему уголовного правосудия, все реже вступают в контакт с практиками на более низких уровнях внутри этих учреждений, с реальной жизнью. И в том, и в другом случае последствия для кримино-

логии не вполне утешительны. Ей грозит либо замена долгосрочных научных стратегий кратковременными нападками на сиюминутные политические решения, либо разрыв теоретического и эмпирического знания внутри самой науки.

Таким образом, взаимодействие криминологов и политиков должно быть в равной степени и дружески тесным, и уважительно дистанцированным. Криминологи – это не просто нейтральные наблюдатели, а криминология – не «чистое» научное знание, – включает МакКара. «Криминолог» – это уже культурно насыщенная роль, предполагающая специфическую борьбу за признание властью. Это означает, что мы должны быть как разрушителями, так и созидателями, и рефлексивно относиться к политике производства знаний в наших собственных научных и институциональных условиях. Криминолог должен видеть системное функционирование в его целостности, стоять над

политикой и культурной динамикой, быть вовлеченным в диалог и взаимодействие с группами практиков и понимать особенности и результаты их повседневных встреч.

Иными словами, криминолог и политик – равноправные субъекты общения, а потому их взаимодействие не может выстраиваться по линейной схеме «заказчик – исполнитель». Такое взаимодействие в организационном плане требует некоей самостоятельной и независимой площадки для обсуждения и выработки совместного решения. В науке предложения о ее создании уже неоднократно озвучивались.

Предлагалось, в частности, в целях совершенствования организационных основ уголовно-правовой политики в качестве консультативного органа при Президенте Российской Федерации создать Совет по совершенствованию законодательства о противодействии преступности, с возложением на него функций по обеспечению взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием уголовного и иного законодательства о противодействии преступности (Бабаев, М., Пудовочкин, Ю., 2012). Предлагалось также создать самостоятельный научно-исследователь-

”

Наша общая беда в том, что, надежно обосновав предмет и границы криминологии и уголовного права, специалисты фактически выстроили «железный занавес» между сопряженными отраслями знания.

“

в целях совершенствования организационных основ уголовно-правовой политики в качестве консультативного органа при Президенте Российской Федерации создать Совет по совершенствованию законодательства о противодействии преступности, с возложением на него функций по обеспечению взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием уголовного и иного законодательства о противодействии преступности (Бабаев, М., Пудовочкин, Ю., 2012). Предлагалось также создать самостоятельный научно-исследователь-

ский центр, который мог бы непрерывно и систематически изучать реальные криминологические и уголовно-правовые тенденции, эффективность практической деятельности системы уголовной юстиции и своевременно прогнозировать возможные предупредительные меры (Лунеев, 2014), (Бурлаков, 2016). Предложения эти так и остаются по сей день невостребованными.

Заключение

С учетом двусторонней заинтересованности интеграция криминологического и уголовно-правового знания (для того чтобы превратиться из красивого лозунга в реальность) должна быть обеспечена научно обоснованным механизмом, позволяющим перевести идею в практическое, инструментальное русло. Теоретическое моделирование и интерпретация такого механизма – сложный процесс, который предполагает, с одной стороны, уточнение параметров межотраслевых связей различных наук о преступности, а с другой, – обеспечение прикладного правотворческого и правоприменительного единства криминологической и уголовно-правовой информации.

Признавая наличие тесных содержательных связей между уголовным правом и криминологией, необходимо, таким образом, четко представлять, как, в каких формах и на каких уровнях эта связь может и должна быть воплощена.

Прежде всего, важно отметить, что исследуемая междисциплинарная связь должна наблюдаться на всех уровнях проявления антикриминальной деятельности: при формировании уголовно-политической линии, в законотворчестве, в правоприменении, в образовании и науке. Только такой комплексный подход может гарантировать качество связи и ее эффективность. В частности:

- стоит в очередной раз вернуться к вопросу о разработке концепции криминологически обоснованной уголовной политики и создать организационную площадку (при Президенте РФ или в Государственной Думе РФ) для дополнительного специализированного экспертирования проектов наиболее значимых уголовных законов;

- есть потребность в реализации идеи «закона о законах» и учреждении обязательной криминологической экспертизы законопроектов, внесении изменений в уголовное законодательство, прогнозировании эффективности и последствий принятия законов;

- важно обсудить вопрос об обязательном представлении в суд криминологической карты по каждому уголовному делу;

- необходимо нормативно обязать суд назначать наказание с учетом причин и условий совершенного преступления и реагировать на эти причины и условия вынесением частных определений и постановлений;

- требуется пересмотр образовательных стандартов подготовки юристов с целью обеспечения соответствия декларируемых профессиональных компетенций набору обязательных учебных дисциплин;

- важно подготовить новый учебник по уголовному праву с обязательным включением уголовно-социологического материала, а равно самостоятельные учебники по уголовной социологии и уголовной политологии;

- созрели предпосылки к тому, чтобы придать криминологической работе статус самостоятельной юридической профессии;

- следует вернуться к углубленному обсуждению предмета и пределов криминологии с целью поиска оптимальных вариантов их обновления и доктринальной «легализации» более широких границ юрисдикции науки и ее возможностей профессионального исследования негативных/криминогенных областей социальной и криминологической реальности;

- надо повысить уровень требований к качеству научных сочинений по уголовному праву в части оценки криминологической обоснованности формулируемых выводов и предложений, а также кардинально обновить содержание самой криминологической науки в направлении адекватной оценки ею современного общества;

- требуется методологический прорыв и методологический плюрализм в науках антикриминального цикла с установлением гарантий разработки в рамках различных методологических парадигм целостного комплекса криминологических и уголовно-правовых проблем.

Список литературы

- Aitchison, A. (2014). Criminological theory and international crimes: examining the potential. В I. M. Bantekas (Ред.), *Criminological Approaches to International Criminal Law* (22–49). Cambridge University Press.
- Bantekas, I. (2014). Introduction: an interdisciplinary criminology of international criminal law. В I. M. Bantekas (Ред.), *Criminological Approaches to International Criminal Law* (1 – 21). London: Cambridge University Press.
- Boister, N. (2003). «Transnational Criminal Law»? *European Journal of International Law*, 14 (5), 953–976.
- Brown, D. (2013). Criminalisation and Normative Theory. *Current Issues in Criminal Justice*, 25 (2), 605–625.
- Byrne, James, Hummer, Don. (2016). An Examination of the Impact of Criminological Theory on Community Corrections Practice. *Federal Probation*, 80 (3), 15–25.
- Jeffery, C. R. (2013). Criminology and Criminal Law: Science versus Policy and the Interaction of Science and Law. В W. S. Freda Adler (Ред.), *The Criminology of Criminal Law. Advances in Criminological Theory*, 3–28.

- McAra, L. (2017). Can Criminologists Change the World? Critical Reflections on the Politics, Performance and Effects of Criminal Justice. *British Journal of Criminology*, 57 (4), 767–788.
- Mythen, Gabe, Walklate, Sandra. (2006). Criminology and Terrorism Which Thesis? Risk Society or Governmentality? *British Journal of Criminology* (46 (3)), 79–398.
- Scheffler, U. (1985). Kriminologische Kritik des Schuldstrafrechts die Voraussetzungen der Verwertbarkeit kriminologischer Erkenntnisse im Strafrecht. *Semantic Scholar*.
- Sherman, L. W. (1992). Influence of Criminology on Criminal Law: Evaluating Arrests for Misdemeanor Domestic Violence. *The Journal of Criminal Law & Criminology*, 83 (1), 1–46.
- Walter, M. (2011). Die Frage nach der Rechtskultur als Brücke zwischen Kriminologie und Strafrecht. *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik* (7), 629–635.
- Антонян, Ю. М. (2009). *Архетип и преступность*. Москва: Вече.
- Бабаев, М. М., Пудовочкин, Ю. Е. (2021). *Очерки криминальной рискологии*. Москва: Юрлитинформ.
- Бабаев, М., Пудовочкин, Ю. (2012). Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. *Уголовное право* (4), 4–12.
- Бурлаков, В. Н. (2016). Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права. В В. С. Комиссаров (Ред.), *Модернизация Уголовного кодекса с позиции криминологической обоснованности* (290–293). Москва: Юрлитинформ.
- Гишинский, Я. И. (2017). *Девиантность в обществе постмодерна*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кузнецова, Н. (1970). Социологические проблемы уголовного права. В В. Н. Кудрявцев (Ред.), *Проблемы социологии права* (120–124). Вильнюс: [б. и.].
- Лунеев, В. В. (2014). *Истоки и пороки российского уголовного законодательства*. Москва: Юрлитинформ.
- Овчинский, В. С. (2005). *Криминология и биотехнологии*. Москва: Норма.
- Овчинский, В. С. (2018). *Криминология цифрового мира*. Москва: ИНФРА-М.
- Ольков, С. Г. (2008). *Аналитическая криминология* (изд. 2). Казань: Познание.
- Панченко, П. Н. (2018). *Уголовное право с претензией на статус ценности: в поисках ответов на вопросы настоящего к будущему и будущего к настоящему*. Москва: Юриспруденция.
- Проект Уголовного Кодекса РСФСР. (1930). *Советская юстиция* (19), 16–27.
- Прокументов, Л. М., Шеслер, А. В. (2017). *Криминология. Общая часть*. Томск: Изд. Дом ТГУ.

References

- Aitchison, A. (2014). Criminological theory and international crimes: examining the potential. В I. M. Bantekas (Red.), *Criminological Approaches to International Criminal Law* (22–49). Cambridge University Press.
- Bantekas, I. (2014). Introduction: an interdisciplinary criminology of international criminal law. В I. M. Bantekas (Red.), *Criminological Approaches to International Criminal Law* (1 – 21). London: Cambridge University Press.
- Boister, N. (2003). «Transnational Criminal Law»? *European Journal of International Law*, 14 (5), 953–976.
- Brown, D. (2013). Criminalisation and Normative Theory. *Current Issues in Criminal Justice*, 25(2), 605–625.
- Byrne, James, Hummer, Don. (2016). An Examination of the Impact of Criminological Theory on Community Corrections Practice. *Federal Probation*, 80(3), 15–25.
- Jeffery, C. R. (2013). Criminology and Criminal Law: Science versus Policy and the Interaction of Science and Law. В W. S. Freda Adler (Red.), *The Criminology of Criminal Law. Advances in Criminological Theory*, 3–28.
- McAra, L. (2017). Can Criminologists Change the World? Critical Reflections on the Politics, Performance and Effects of Criminal Justice. *British Journal of Criminology*, 57 (4), 767–788.
- Mythen, Gabe, Walklate, Sandra. (2006). Criminology and Terrorism Which Thesis? Risk Society or Governmentality? *British Journal of Criminology* (46 (3)), 79–398.
- Scheffler, U. (1985). Kriminologische Kritik des Schuldstrafrechts die Voraussetzungen der Verwertbarkeit kriminologischer Erkenntnisse im Strafrecht. *Semantic Scholar*.
- Sherman, L. W. (1992). Influence of Criminology on Criminal Law: Evaluating Arrests for Misdemeanor Domestic Violence. *The Journal of Criminal Law & Criminology*, 83 (1), 1–46.

- Walter, M. (2011). Die Frage nach der Rechtskultur als Brücke zwischen Kriminologie und Strafrecht. *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik* (7), 629–635.
- Antonyan, Yu. M. (2009). *Arkhetip i prestupnost'*. Moscow: Veche.
- Babayev, M. M., Pudovochkin, Yu. Ye. (2021). *Ocherki kriminal'noy riskologii*. Moscow: Yurlitinform.
- Babayev, M., Pudovochkin, Yu. (2012). Kontsepsiya ugovolno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii. *Ugolovnoye pravo* (4), 4–12.
- Burlakov, V. N. (2016). Kriminologicheskiye osnovy ugovolnogo prava: materialy X Rossiyskogo kongressa ugovolnogo prava. V V. S. Komissarov (Red.), *Modernizatsiya Ugolovnogo kodeksa s pozitsii kriminologicheskoy obosnovannosti* (290–293). Moscow: Yurlitinform.
- Gilinskiy, Ya. I. (2017). *Deviantnost' v obshchestve postmoderna*. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Kuznetsova, N. (1970). Sotsiologicheskiye problemy ugovolnogo prava. V V. N. Kudryavtsev (Red.), *Problemy sotsiologii prava*, 120–124. Vilnius: [b. i.].
- Luneyev, V. V. (2014). *Istoki i poroki rossiyskogo ugovolnogo zakonotvorchestva*. Moscow: Yurlitinform.
- Ovchinskiy, V. S. (2005). *Kriminologiya i biotekhnologii*. Moscow: Norma.
- Ovchinskiy, V. S. (2018). *Kriminologiya tsifrovogo mira*. Moscow: INFRA-M.
- Otkov, S. G. (2008). *Analiticheskaya kriminologiya* (izd. 2). Kazan': Poznaniye.
- Panchenko, P. N. (2018). *Ugolovnoye pravo s pretenziyey na status tsennosti: v poiskakh otvetov na voprosy nastoyashchego k budushchemu i budushchego k nastoyashchemu*. Moscow: Yurisprudentsiya.
- Proyekt Ugolovnogo Kodeksa RSFSR. (1930). *Sovetskaya yustitsiya* (19), 16–27.
- Prozumentov, L. M., Shesler, A. V. (2017). *Kriminologiya. Obshchaya chast'*. Tomsk: Izd. Dom TGU.

Информация об авторах:

Юрий Евгеньевич Пудовочкин – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник – руководитель направления уголовно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия.

Михаил Матвеевич Бабаев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник направления уголовно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия.

About the authors:

Yuriy E. Pudovochkin – Doctor Sci. (Jurid.), Professor, Chief Researcher – Head of Criminal Law Research at the Center for the Study of Problems of Justice, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

Mikhail M. Babayev – Doctor Sci. (Jurid.), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher for Criminal Law Research at the Center for the Study of Problems of Justice, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.02.2021; одобрена после рецензирования 04.05.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted February 28, 2021; approved after reviewing May 4, 2021; accepted for publication May 12, 2021.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.